

Мясницкий Иван Ильич

Житейские комедии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Житейские комедии / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 250 с.

ISBN 978-5-519-98452-2

ISBN 978-5-519-98452-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Фаламеевой величают... Фаламеевой... сусѣди мы съ ейной матерью, значить...

— Прасковьей? — задумалась толстая баба.—Ровно бы такихъ у насъ нѣту. Катерина есть...двѣ даже Катерины...Анисья... Степанида, — пересчитывала она, заводя глаза подъ лобъ, — Акулина... три даже Акулины...

— Мнѣ, родная, Акулина ни къ чему... мнѣ бы Прасковью, примѣрно сказать.

— Фатеръ у насъ много, можетъ и живетъ гдѣ твоя Прасковья... Не кривая она?

— Кабыть не надо бы кривой быть... изъ деревни глазастой въ Москву ушла.

— Въ Москвѣ, голубчикъ, окривѣть не долго... У меня братъ, вонъ, пришелъ въ Москву на двухъ ногахъ, а ушелъ въ деревню на одной... попалъ подъ конку и изувѣчился,

—Да ужъ это такъ!Какъ въ Москвѣ не покалѣчиться, подохнуть ничего не стоитъ... Такъ какъ же ты, родная, мнѣ насчетъ Прасковьи-то посовѣтуешь? Эна, домина-то какой, Господи!

— Найдешь и Прасковью, коли она въ бумажкѣ прописана.

— Прописана и крѣпко, примѣрно сказать, прописана: мать ейная, значить, къ волостному писарю ходила, чтобы тотъ, значить, все какъ слѣдуетъ на грамоткѣ, а у насъ писарекъ вотъ какой, я те скажу, воръ, всѣ законы знаетъ, насчетъ бабъ

тоже, примѣрно сказать, самый сибирный человекъ.

— Такъ ты вотъ что сдѣлай,— посоветовала мужичку баба, проводя указательнымъ пальцемъ свободной руки подъ носомъ: — ты позвони сейчасъ въ звонокъ...

— Такъ, такъ! Это въ который же, примѣрно сказать?

— А вонъ у воротъ что висить, да хорошенько звони, а то наши дворники всегда дрыхнуть. Выдетъ къ тебѣ дворникъ, прочтаетъ твою бумажку и къ Прасковѣ тебя доставить.

— Такъ, такъ подюжѣе, значить, звонить-отъ?

— Хорошенечко звони. Аспиды они у насъ, никакого околоточнаго не страшатся.

— Спасибо, родная, а то я вотъ тутъ возлѣ часу стою и никакой насчетъ Прасковьи, примѣрно сказать, развязки... Ужъ больно мать-то ейная просила, — безпремѣнно, кричать, Миколаичъ, мою Парашку повидай. Чего не повидать, коли въ то же мѣсто иду, игдѣ и Прасковья? Повидаю! Прощенья просимъ!

Мужичокъ подошелъ къ звонку и дернулъ за ручку. Прошло минутъ пять. Мужичокъ снова заглянулъ во дворъ, по которому бѣгали, теребя другъ друга, собачонки, и вздохнулъ.

— Подюжѣе, значить, придется, — про-

бормоталъ онъ и чуть не повисъ на ручкѣ звонка.

Гдѣ-то далеко-далеко задребезжалъ звонокъ и, минуты двѣ спустя, въ аркѣ проѣзда показался съ заспанною рожей дворникъ. Мужичокъ прижался къ стѣнѣ и заморгалъ слезящимися глазами.

— Это кто тутъ такъ? — говорилъ на ходу дворникъ, вылетая на тротуаръ и смотря на всѣ стороны.

— Миляга! Землякъ! — окликнулъ дворника мужичокъ, подходя къ нему, — это я, примѣрно сказать.

— Ты? — окинулъ его съ ногъ до головы сердитымъ взглядомъ дворникъ, — ахъ, ты, лапотъ сѣрый! Да какое ты имѣешь право звонки рвать?

— Не серчай ужъ дюже-то, бабочка тутъ одна мнѣ показывала, — помогутъѣй, гритъ, звони, — бормоталъ мужичокъ, сдергивая съ головы шапку.

— Лѣшіе! — разорался дворникъ, — всякая тоже сѣрость себѣ дозволяетъ...

— Ужъ ты сдѣлай милость, миляга, — кланялся мужичокъ, — обычаю вашего не знамши...

— Не знамши! За починку звонка кто будетъ платить? Я, что ли? Много тутъ васъ, лѣшихъ, шатается, я за все отвѣчать не намѣренъ; нажрутъ на одинъ бокъ каши и начнутъ ломить.

— Миляга!.. Землякъ! Всуе ты это, съ утра, примѣрно сказать, ничего не ѣмши...

— Ну, ну, всѣ вы не ѣмши!—спустилъ тонъ дворникъ,—надѣнь лукошко то, озябнешь вѣдь, дурень!.. тебѣ что надо-то?

— Мнѣ-то? Прасковью мнѣ, миляга, землячку.

— У кого живетъ?

— Хвამилію-то не упомню, да у меня грамотка есть, я въ секундъ...

Мужичокъ снова прихватилъ зубами рукавицу, слазилъ въ карманъ и подаль дворнику «грамотку».

Дворникъ развернулъ бумажку, прищурилъ лѣвый глазъ и зашевелилъ губами, точно разминая ихъ передъ чтеніемъ.

— «Па-ра-ско... Пара-сковья Вар-Варфо-лофо-ло-мее-ва»,—зачиталъ онъ, хмурия брови.—Варфоломеева, что ль?—спросилъ онъ у мужичка для пущей важности.

— Фаламеева, Фаламеева, — торопливо отозвался тотъ, запуская искоса взглядъ въ писаное «грамотки»,—сусѣди! Мать ей-ная, примѣрно сказать...

— Прасковья Варфоломеева Скры... Скры-пи-на.

—Скрыпины, Скрыпины, — подтвердилъ мужичокъ, — они сичасъ всѣ Скрыпины, а мы Дерины. Дерины, примѣрно сказать...

— «Ква-кварти-ра»... Квартера, значить... «ква-арти-ра стат-ска-го совѣтни-ка»...

штацкаго, значить, — перевелъ дворникъ мужичку.

— Такъ, такъ, писарекъ это, примѣрно сказать, грамотку-то сочинялъ.

— «Штацкаго совѣтника Кур-дю-кова»... У Курдюкова, стало быть, твоя землячка-то?

— У него, миляга, ты гляди въ грамотку-то: коли въ грамоткѣ Бурдюковъ, значить и Прасковья у него.

— Пошелъ за мной.

Мужичокъ засеменялъ за дворникомъ. Дворникъ вошелъ во дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зданіями, свернулъ налѣво и, юркнувъ въ низенькую, грязную дверь, очутился на черной лѣстницѣ, крутыми колѣнами бѣжавшей вверхъ.

На площадкѣ третьяго этажа дворникъ остановился, отворилъ дверь, обитую рваною, полинявшею клеенкой, и, сказавъ мужичку: «здѣсь», пихнулъ его въ комнату и захлопнулъ за нимъ дверь.

Мужичокъ очутился въ довольно просторной кухнѣ съ окнами, выходившими въ корридоръ, обнесенный, точно оранжерея, высокими стеклянными рамами.

Въ кухнѣ было свѣтло и тепло. Около плиты возилась полная, пожилая кухарка въ засаленномъ передникѣ и съ засученными по самый локоть рукавами.

Мужичокъ повелъ глазами по угламъ, нашелъ икону, за которой торчала почер-

нѣвшая отъ копоты верба, помолился на нее и, отвѣсивъ поясной поклонъ кухаркѣ, проговорилъ:

— Здравствуй, родная!

— Здравствуй, землякъ, — отвѣтила кухарка, передергивая платокъ, которымъ была стянута ея голова, — и черти васъ, прости, Господи, носятъ: — авчера трое были, нонче ты. Конца вамъ, каторжнымъ, не видать... Изъ какой деревни-то?

— Изъ Аминевой, изъ Аминевой, примѣрно сказать.

— Изъ Аминевой? Не помню я чтой-то, чтобъ въ нашей округѣ Аминево деревня была...

— Изъ Аминевой, родная... Какъ не быть Аминевой деревни... завсегда Аминева деревня, примѣрно сказать, была.

Кухарка подошла поближе къ мужику, посмотрѣла на него изъ-подъ ладони и справилась:

— Да ты къ кому? Ко мнѣ, что ли?

— Къ Парасковѣ я... Къ Парасковѣ Фаламеевой, значитъ.

— А я думала ко мнѣ, — успокоилась кухарка. — То-ись такъ это меня землякъ одолѣлъ, хоть со свѣту бѣжать... Чаю одного полфунта въ мѣсяцъ споишь, акромя всего прочаго, а доходы наши какіе? У мясника сичасъ экономка сама брать стала, себѣ, стало быть, въ карманъ норовить... а отъ хлѣбника съ зеленщикомъ

много ли возьмешь?.. Къ кому ты, говоришь, пришелъ-то?

— Къ Парасковѣ... Къ Парасковѣ Фаламеевой...

— Фаламеевой? Такой у насъ нѣту, — скрестила на груди руки кухарка. — Жила, слышала я, до меня куварка, да и ту Ненилой звали...

— Дворникъ меня, родная, къ вамъ доставиль, — бормоталъ мужичокъ, косясь на лежавшій на столѣ громадный кусокъ вареной бѣлуги, — издѣсь, гритъ, твоя землячка.

— А я Фекла... а экономку сичасъ у насъ Полиной Федоровной зовутъ... Да у чьихъ она, землячка-то твоя, господъ служить?

— А вотъ тутъ у меня въ грамоткѣ... писарекъ нашъ волостной писалъ... у Чубуковыхъ, ровно.

— Нашъ баринъ Курдюковъ.

— Онъ, онъ самый... Курдюковъ... у него...

— Да чудакъ ты, чужой землякъ, ей Богу! У нашего барина и прислуги-то всего, что я, да экономка Полина Федоровна... раньше, можетъ, жила твоя Парасковья-то... у нонѣшнихъ господишекъ прислуга безперечь мѣняется.

— Ахъ, ты, грѣхъ какой! — хлопнулъ себя по бедрамъ мужичокъ, — ужъ очинно ейная мать просила: сходи, гритъ, къ Па-

рашкѣ, безпремѣнно, грить, примѣрно сказать, сходи.

— Нѣту у насъ такой.

— Да какъ же такъ? И въ грамоткѣ писарекъ прописалъ, и дворникъ привелъ.

— Вотъ дуракъ-то, мои батюшки!—усмѣхнулась кухарка: — сказываю, нѣтъ, стало-быть нѣту... Постой, никакъ меня экономка кличетъ? Кличетъ и есть!—проговорила она, торопливо направляясь къ двери, и столкнулась съ влетающею въ кухню красивою особой съ подвитымъ хохломъ на лбу и густо подведенными бровями.

— Параша!—проговорилъ мужичокъ. — Парасковья Фаламеевна...

Экономка вспыхнула и остановилась.

— Это кто же такой мужичокъ?—протянула она.

— Миколаичъ, сусѣдъ, изъ Аминевки... ужли Миколаича забыла, примѣрно сказать?

— Ахъ, это дѣйствительно... Ну, какъ тамъ, въ деревнѣ?... Да вы сядьте... Оекла, ты бы самоварчикъ,—затараторила экономка, — поставь и въ мою комнату... а то нѣтъ, лучше здѣсь... увидить баринъ, насмѣется еще... Да вы сядьте.

— Сяду, родная, сяду. А мнѣ твоя родительница крѣпко-накрѣпко наказала: зайди, грить, къ Парашкѣ, примѣрно сказать, къ Парасковѣ Фаламеевнѣ.

— Ну, что тамъ мать? Пишетъ она такъ,

что стара стала, въ деревню зоветъ... Ужасныя глупости пишетъ... Но вы ей скажите, что этого никакъ невозможно, а что я, можетъ, скоро выпишу ее въ Москву.

— Такъ, такъ. Стара это она точно что... старенька стала... Ну, и тоже насчетъ денегъ беспокоются. Бросила, грить, на мои руки мальчонку, а денегъ всего-на-все по три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ высылаетъ. Легче бы его, мальчонку-то, въ «шпитательный»...

— Ахъ, это я все отъ глупости надѣлала! Думала такъ, что отцы настоящіе, а замѣсто того свиньи.

— Вотъ, вотъ, въ шпитательный—много легче, примѣрно сказать, потому мальчонка-то растетъ, мурло вотъ какое, жретъ, значить, не приведи Господи... Всю, примѣрно сказать, съѣлъ старуху, мать-то твою, а она, грить, три цѣлковыхъ... Парашка-то... Прасковья Фаламеевна, значить.

— Что жъ ей по десяти цѣлковыхъ высылать, что ли? Такъ на это никакихъ моихъ состояніевъ не хватитъ. Опять я сейчасъ при такой должности состою, что за-всегда чисто одѣта должна быть... Я вотъ три корсета за годъ-то износила... Деревня рази насъ можетъ понять?

— Гдѣ, родная, понять! Обожралъ, слышь, мальчонка мать-то, ну, она и скулить... Насчетъ денегъ тоись... безпремѣнно, грить,

зайди. Какъ не зайти! Такое дѣло, сусѣдское дѣло.

— Сѣрости дикой въ васъ много, оттого вы въ деревнѣ и беспокоитесь. Мнѣ сейчасъ лисья шуба во что въѣхала? Хорошо, что баринъ добрый, впередъ даетъ на зажитіе, а другой бы и вниманія не взялъ. Перчатки съ мухтой, когда я барина веду прогуливать, мнѣ нужны или нѣтъ?

— Такъ, такъ. Значить, такое ужъ московское поведеніе, что никакъ невозможно безъ чего нельзя. А она плачетъ... мальчонка-то вѣдь глупый, ну, и примѣрно сказать, жретъ. То баранокъ ему дай, то сайку,—извѣстно, въ шпитательномъ покойнѣе... Много ль старухѣ надо? И не доѣсть ежели чего—никому дѣла нѣтъ.. А разбѣтѣла ты, Парасковья Фаламеевна, страсть! Несетъ, значить, съ крупичатаго-то.. пухнешь!

— Ахъ, что вы! Баринъ даже обижаются, что я худѣю... да вы Михайлычъ словно?

— Миколаичъ, Миколаичъ.

— Можетъ, скушать чего желаете?

— Со вчерашняго ужину еще ничего не ѣлъ..

— Я сейчасъ вамъ икры принесу. Фекла, скоро самоваръ?

— Сейчасъ скипитъ.

— Подай, пожалуйста, а я сейчасъ. Надо тоже земляка убоготворить.